

15th St. Jerome Translation Contest

2020 EDITION

Russian Student prize

Marina Slobodyanik

Тина Тернер наслаждается жизнью

Она была символом неистощимой энергии рок-н-ролла 50 лет. Ее кавер-версия песни “Гордая Мэри” почти в три раза дольше оригинала, при этом Джон Фогерти даже не танцевал. Она стала звездой в дуэте с Айком Тернером, когда ей было 20 с небольшим, сбежала от него, не выдержав издевательств, когда ей было за 30, пробилась в верхние строчки хит-парадов после 40, давала концерты по всему миру после 60, и теперь ей хочется отдохнуть всласть.

Я приехала в 2 часа. Муж Тернер, обаятельный немец Эрвин Бах, заехал за мной на джипе и довез до дома, который называется – вы думали, дом Тины Тернер может быть безмянным? – «Шато Алгонкин». Атмосферой он напоминает дворец из мультфильма: плющ, обвивающий стены, садовники, подстригающие кусты, скульптура в виде вставшего на дыбы коня в натуральную величину, подвешенная под куполообразным сводом потолка, картина в раме с изображением Тернер в облачении царицы Египта, комната, уставленная позолоченными диванами в стиле «Людовик XIV», и сама Тина Тернер, удобно расположившаяся на одном из них.

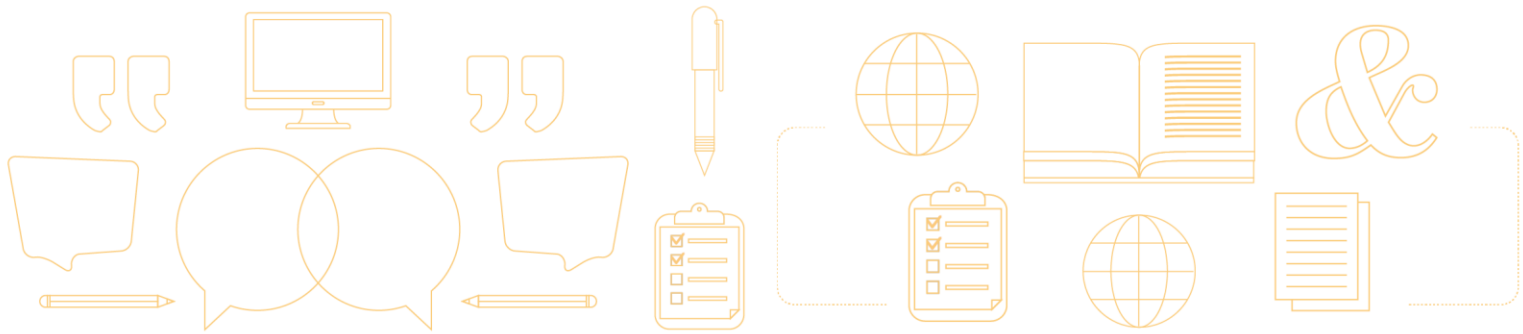
Тернер 79 лет. Она ушла со сцены 10 лет назад и до сих пор наслаждается полным отсутствием забот. «Я не пою. Я не танцую. Я не ношу нарядов» - говорит она мне. Даже ее парик – «важнейшая часть образа Тины Тернер», как она пишет в недавно опубликованных мемуарах – обрел более спокойные очертания: вместо прежней взъерошенной копны у нее теперь элегантная прическа с эффектом легкой небрежности. Ее голос такой же чарующий, как и всегда, хотя теперь она использует его иначе. У нее появляется сильный континентальный акцент, когда она зовет своего мужа, и ее голос становится низким, дрожащим и хриплым, когда она дразнит его - по ее выражению, «это не женский голос».

Она не скушает по сцене.

[...]

Правда, иногда она выезжает куда-нибудь на машине. Включено радио, рядом почтительно напевает Бах, и тогда она начинает петь эту песню так, как умеет Тина Тернер - подпрыгивая на сидении и мурлыкая, для одного-единственного слушателя. Есть одна песня, перед которой она не может устоять. «Как же его зовут?» - спрашивает она мужа, хлопчущего в соседней комнате. «Дорогой! Как его зовут?» Тогда она запела во весь голос: «Вот чего я хочуу!»

Бах отвечает: «Это песня “Колдплей”!»

«“Колдплей”, - повторяет Тернер. - Знаешь, что мне нравится? - она начинает восторженно рассказывать о необъяснимой притягательности голоса Криса Мартина. - У него не такой голос, как у настоящих чернокожих исполнителей, например, из “Мотаун”...», - «... песня называется “Колдплей и Чейнсмокерс”!» - сообщает Бах.

«Неважно!» - отвечает она так, словно всей мощью своего голоса хочет стереть с лица Земли саму идею о “Чейнсмокерс”, что бы это ни было. Она бросает на меня хитрый взгляд. «Это “Колдплей” – говорит.

[...]

Пара переехала в Швейцарию в 1995 г. После прежней сумбурной жизни швейцарская страсть к порядку Тернер по нраву. Здесь все живут по правилам. Она плохо говорит по-немецки, но предпочитает общаться именно на нем; значит, от нее никто не будет ждать длинных речей. Если кто-нибудь скажет что-нибудь смешное, она может просто попросить мужа перевести.

Начинается обычный день, она встает. Ее дворецкий, Дидье, невероятно высокий швейцарец в яркой рубашке-поло, стыдливо застегнутой на все пуговицы, готовит ей овсянку. Она идет за покупками.

Алгонкин переполнен прекрасными вещами: пара новеньких ключей от замка (по ее словам, она «очень хотела замок, пока не увидела, какие они большие»); осколки огромного аметиста, разложенные у бассейна («это подарок»); фотографии в рамках с изображением саркофагов древнеегипетских правителей (она чувствует, что была одним из них в прошлой жизни; Дидье тоже там был); идол доколумбовой эпохи с мечом в руках, которого она забрала, навсегда покидая Америку («он мне нравился тогда»). Ничто не хранится в кладовых: теперь, когда она может себе это позволить, «я хочу, чтобы все было на виду» - говорит она.

